

Всероссийская олимпиада школьников по литературе
Муниципальный этап
2023/24 учебный год
10 класс

Муниципальный этап олимпиады для учеников 10 класса состоит из трех заданий.

Задание 1 носит тестово-аналитический характер, при его выполнении участник олимпиады должен проявить свои историко-литературные и теоретико-литературные знания (максимальный балл – 20).

Задание 2 - аналитическое (с опорой на предложенные направления для анализа; максимальный балл – 50).

Задание 3 творческое (максимальный балл – 30).

Внутри общего времени (5 астрономических часов) ученик распределяет количество времени для работы над аналитическим и творческим заданием сам. Максимальный общий балл за работу – 100.

Задание №1 (Максимальный балл за задание - 20)

1.1 Установите соответствия в названиях произведений отечественных писателей. Укажите авторов. (9 баллов)

А) Майская	1) история
Б) Малиновая	2) ночь
В) Страшная	3) дама
Г) Алые	4) души
Д) Живые	5) мощи
Е) Обыкновенная	6) вобла
Ж) Вяленая	7) месть
З) Мёртвые	8) паруса
И) Пиковая	9) вода

1.2. Филолог В.Николаенко написал шуточные стихотворные загадки по мотивам известных литературных произведений и назвал их «хокку». Сюжеты каких произведений вы узнали? Укажите названия и авторов. (3 балла)

Не радуйся, отважный послушник,
В одиночку задушивший тигра!
Смерть подстерегает на всех путях.

Неверная жена
Бросилась под грохочущую колесницу.
Боги мстят.

Женщина в вышитом кимоно
Отвергает бравого самурая,
Которого любила когда-то.

Примечание: Сюжеты известных произведений пересказаны у В. Николаенко «на японский лад», но этого, конечно, недостаточно, чтобы всерьез отнести эти стихотворения к хокку – жанру японской поэзии. Хокку, или хайку, — это нерифмованное трехстишие (5—7—5 слогов). Хокку по-японски — «начальные стихи»: эта форма образована отсечением последних строк от танки — японского пятистишия. Сначала это была преимущественно шуточная, пародийная поэзия (хайку по-японски — «комические стихи»), потом содержание ее стало серьезным.

1.3 Открытый финал «Горе от ума» А.С. Грибоедова послужил основанием для литературного продолжения комедии. Одним таким произведением стал цикл «скорбного и негодующего сатирика» М.Е. Салтыкова-Щедрина «В Среде умеренности и аккуратности» (1874-1877). Вторым таким произведением стала комедия поэтессы и светской дамы Е.П. Растопчиной «Возврат Чацкого в Москву, или Встреча знакомых лиц после 25-летней разлуки» (1856). Попробуйте догадаться, как определили Салтыков-Щедрин и Растопчина дальнейшие судьбы хорошо известных героев знаменитой комедии: Чацкого, Софьи, Молчалина, Скалозуба, Репетилова, Лизы. (8 баллов)

№ фрагмента	Герой	Автор

1. Становится директором департамента «Государственных умопомрачений», женится на Софье.
2. Становится губернатором.
3. Совершает бессознательные преступления, возмездие настигает.
4. Сменит прежнего начальника и станет директором департамента «Государственных умопомрачений».
5. Нянит детей статского советника.
6. Получит наследство после смерти мужа, право на которое будет оспаривать родственник мужа.
7. Выходит замуж за Скалозуба.
8. Становится действительным статским советником.

Задание №2

Аналитическое задание. (Максимальный балл за задание - 50)

Участнику олимпиады предлагается провести целостный анализ текста – прозаического ИЛИ поэтического. Выбор типа текста – право ученика.

Проза: Выполните целостный анализ произведения **Николая Гумилёва «Скрипка Страдивариуса»**, приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: точные приметы времени, особенности внешнего облика персонажей и их речевого портрета, назначение языковой игры, авторского размышления. Подумайте, почему жанр определен, как «притча». Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Николай Гумилев

Скрипка Страдивариуса

Мэтр Паоло Белличини писал свое соло для скрипки. Его губы шевелились, напевая, нога нервно отбивала такт, и руки, длинные, тонкие и белые, как бы от проказы, рассеянно гнули гибкое дерево смычка. Многочисленные ученики мэтра боялись этих странных рук с пальцами, похожими на белых индийских змей.

Старый мэтр был знаменит и, точно, никто не превзошел его в дивном искусстве музыки. Владетельные герцоги, как чести, добивались знакомства с ним, поэты посвящали ему свои поэмы, и женщины, забывая его возраст, забрасывали его улыбками и цветами. Но все же за его спиной слышались перешептывания, и они умели отравить сладкое и пьяное вино славы. Говорили, что его талант не от Бога и что в безрассудной дерзости он кощунственно порывает со священными заветами прежних мастеров. И как ни возмущались любящие мэтра, сколько ни твердили о зависти оскорбленных самолюбий, эти толки имели свое основание. Потому что старый мэтр никогда не бывал на мессе, потому что его игра была только бешеным взлетом к невозможному, быть может запретному, и, беспомощно-неловкий, при своем высоком росте и худощавости он напоминал печальную болотную птицу южных стран.

И кабинет мэтра был похож скорее на обитель чернокнижника, чем простого музыканта. Наверху для лучшего распространения звуков были устроены каменные своды с хитро задуманными выгибами и арками. Громадные виолончели, лютни и железные пюпитры удивительной формы, как бредовые видения, как гротески Лоррэна, Калло, теснились в темных углах.

А стены были исписаны сложными алгебраическими уравнениями, исчерчены ромбами, треугольниками и кругами. Старый мэтр, как математик, расчислял свои творения и называл музыку алгеброй души.

Единственным украшением этой комнаты был футляр, обитый малиновым бархатом — хранилище его скрипки. Она была любимейшим созданием знаменитого Страдивариуса, над которым он работал целые десять лет своей жизни. Еще о неоконченной, слава о ней гремела по всему культурному миру. За обладание ею спорили властелины, и король французский предлагал за неё столько золота, сколько может увезти сильный осел. А папа — пурпур кардинальской шляпы. Но не прельстился великий мастер ни заманчивыми предложениями, ни скрытыми угрозами и даром отдал ее Паоло Белличини, тогда еще молодому и неизвестному. Только потребовал от него торжественной клятвы никогда, ни при каких условиях не расставаться с этой скрипкой. И Паоло поклялся. Только ей он был обязан лучшими часами своей жизни, она заменяла ему мир, от которого он отрекся для искусства, была то стыдливой невестой, то дразняще покорной любовницей. Трогательно замирала в его странных белых руках, плакала от прикосновения гибкого смычка. Даже самые влюбленные юноши сознавались, что ее голос мелодичнее голоса их подруг.

Было поздно. Ночь, словно сумрачное ораторио старинных мастеров, росла в саду, где звезды раскидались, как красные, синие и белые лепестки гиацинтов — росла и, поколебавшись перед высоким венецианским окном, медленно входила и застывала там, под сводами. Вместе с ней росло в душе мэтра мучительное нетерпение и, как тонкая ледяная струйка воды, заливало спокойный огонь творчества. Начало его соло было прекрасно. Могучий подъем сразу схватывал легкую стаю звуков, и, перегоняя, перебивая друг друга, они стремительно мчались на какую-то неведомую вершину, чтобы распуститься там мировым цветком — величавой музыкальной фразой. Но этот последний решительный взлет никак не давался старому мэтру, хотя его чувства были напряжены и пронзительны чрезвычайно, хотя непогрешимый математический расчет неуклонно вел его к прекрасному заключению. Внезапно его мозг словно бичем хлестнула страшная мысль. Что, если уже в начале его гений дошел до своего предела, и у него не хватит силы подняться выше? Ведь тогда неслыханное дотоле соло не будет окончено! Ждать, совершенствоваться? Но он слишком стар для этого, а молитва помогает только при создании вещей простых и благочестивых. Вот эти муки творчества, удел всякого истинного мужчины, перед которым жалки и ничтожны женские муки деторождения. И с безумной надеждой отчаяния старый мэтр схватился за скрипку, чтобы она закрепила ускользающее, овладела для него недоступным. Напрасно! Скрипка, покорная и нежная, как всегда, смеялась и пела, скользила по мыслям, но, доходя до рокового предела,

останавливалась, как кровный арабский конь, сдержанный легким движением удила. И казалось, что она ласкается к своему другу, моля простить ее за непослушание. Тяжелые томы гордых древних поэтов чернели по стенам, сочувствовали скрипке и как будто напоминали о священной преемственности во имя искусства. Но неистовый мэтр не понял ничего и грубо бросил в футляр не помогшую ему скрипку.

Лежа в постели, он еще долго ворочался, не будучи в силах заснуть. Словно грозящий багряный орел, носилась над ним мысль о неконченном соло. Наконец, милосердный сон закрыл его очи, смягчил острую боль в висках и с ласковой неудержимостью повлек по бесконечному коридору, который все расширялся и светлел, уходя куда-то далеко. Что-то милое и забытое сладко вздыхало вокруг, и в ушах звучал неотвязный мотив тарантеллы. Утешенный, неслышимый, как летучая мышь, скользил по нему Паоло и вдруг почувствовал, что он не один. Рядом с ним, быть может уже давно, шел невысокий гибкий незнакомец с бородкой черной и курчавой и острым взглядом, как в старину изображали немецких миннезингеров. Его обнаженные руки и ноги были перевиты нитями жемчуга серого, черного и розового, а сказочно-дивная алого шелка туника свела бы с ума самую капризную и самую любимую наложницу константинопольского султана.

Доверчиво улыбнулся Паоло своему спутнику, и тот начал говорить голосом бархатным и приветливым:

«Не бойся ничего, почтенный мэтр, я умею уважать достойных служителей искусства. Мне льстят, когда меня называют темным владыкой и отцом греха: я только отец красоты и любитель всего прекрасного. Когда блистательный Каин покончил старые счета с нездешним и захотел заняться строительством мира, я был его наставником в деле искусства. Это я научил его ритмом стиха преобразовать нищее слово, острым алмазом на слоновой кости вырезать фигуры людей и животных, создавать музыкальные инструменты и владеть ими. Дивные арии разыгрывали мы с ним в прохладные вечера под развесистыми кедрами гор Ливана. Приносился ветер от благовонных полей эздрелонских, крупные южные звезды смотрели, не мигая, и тени слетали как пыль с крыльев гигантской черной бабочки — ночного неба. Внизу к потоку приходили газели. Долго вслушивались, подняв свои грациозные головки, потом пили лунно-вспененную влагу. Мы любовались на них, играя. После мир уже не слышал такой музыки. Хорошо играл Орфей, но он удовлетворялся ничтожными результатами. Когда от его песен заплакали камни и присмирели ленивые тигры, он перестал совершенствоваться, думая, что достиг вершины искусства, хотя едва лишь подошел к его подножью. Им могли восхищаться только греки, слишком красивые, чтобы не быть глупыми. Дальше наступили дни еще печальнее и бледнее, когда люди забыли дивное искусство звуков. Я занимался логикой, принимал участие в философских диспутах и, беседуя с Горгием, иногда даже искренно увлекался. Вместе с безумными монахами придумывал я статуи чудовищ для башен Парижского собора Богоматери и нарисовал самую соблазнительную Леду, которую потом сожгли дикие последователи Савонаролы. Я побывал даже в Австралии.

«Там для длинноруких безобразных людей я изобрел бумеранг — великолепную игрушку, при мысли о которой мне и теперь хочется смеяться. Он оживает в злобной руке дикаря, летит, поворачивается и, разбив голову врагу, возвращается к ногам хозяина, такой гладкий и невинный. Право, он стоит ваших пицалей и мортир.

«Но все же это были пустяки, и я серьезно тосковал по звукам. И когда Страдивариус сделал свою первую скрипку, я был в восторге и тотчас предложил ему свою помощь. Но упрямый старик и слушать не хотел ни о каких договорах и по целым часам молился Распятому, о Котором я не люблю говорить. Я предвидел страшные возможности. Люди могли достичь высшей гармонии, доступной только моей любимой скрипке Прообразу, но не во имя мое, а во имя Его. Особенно меня утешало создание скрипки, которая теперь у тебя.

«Еще одно тысячелетие такой же напряженной работы, и я навеки погружусь в печальные сумерки небытия. Но, к счастью, она попала к тебе, а ты не захочешь ждать тысячелетия, ты не простишь ей ее несовершенства. Сегодня ты совершенно случайно попал на ту мелодию, которую я сочинил в ночь, когда гунны лишили невинности полторы тысячи девственниц, спрятанных в стенах франконского монастыря. Это — удачная вещь. Если хочешь, я сыграю тебе ее, оконченную».

Внезапно в руках незнакомца появилась скрипка, покрытая темно-красным лаком и с виду похожая на все другие. Но опытный взгляд Паоло по легким выгибам и особенной постановке грифа сразу определил ее достоинство, и старый мэтр замер от восторга.

«Хорошенькая вещица! — сказал, засмеявшись, его спутник. — Но упряма и капризна, как византийская принцесса с опаловыми глазами и дорогими перстнями на руках. Она вечно что-нибудь затевает и рождает мелодии, о которых я и не подозревал. Даже мне не легко справиться с нею». — И он заиграл.

Словно зарыдала Афродита на белых утесах у пенного моря и звала Адониса. Сразу Паоло сделалось ясно все, о чем он томился еще так недавно, и другое, о чем он мог бы томиться, и то, что было недоступно ему в земной жизни. Все изменилось. Тучные нивы шелестели под ветром полудня, но колосья были голубовато-золотые, и вместо зерен алели рубины. Роскошное солнце сверкало на небе, как спелый плод на дереве жизни, и странные птицы кричали призывно, и бабочки были порхающими цветами. А Скрипка-Прообраз звенела и пела, охватывая небо и землю, и воздух томительной негой счастья, которого не может вынести, не разбившись, сердце человека.

И сердце Паоло разбилось. Были унылы его глаза и сумрачны думы, когда встал он от рокового сна. Что из того, что он помнит услышанную мелодию? Разве есть на земле скрипка, которая повторит ее, не искажая? Коварный демон достиг своей цели и своей игрой, своими хитросплетенными речами отравил слабое и жадное сердце человека.

Бедная, любимая скрипка Страдивариуса! В недобрый час отдал тебя великий мастер в руки Паоло Белличини. Ты, которая так покорно передавала все оттенки благородной человеческой мысли, говорила с людьми на их языке, ты погибаешь ненужной жертвой неизбежному! И опять на много веков отдалится священный миг победы человека над материей.

Мэтр Паоло Белличини крался, как тигр, приближаясь к заветному футляру. Осторожно вынул он свою верную подругу и горестно поникнул, впервые заметив ее несовершенства. Но при мысли, что он может отдать ее другому, старый мэтр вздрогнул в остром порыве ревности. Нет, никто и никогда больше не коснется ее, такой любимой, такой бессильной. И глухо зазвучали неистовые удары каблука и легкие стоны разбиваемой скрипки.

Вбежавшие на шум ученики отвезли мэтра в убежище для потерявших рассудок. Было такое зданье, угрюмое и мрачное, на самом краю города. Визги и ревы слышались оттуда по ночам, и сторожа носили под платьем кольчугу, опасаясь неожиданного нападения. Там, в низком и темном подвале поместили безумного Паоло. Ему казалось, что на его руках кровь. И он тер их о шероховатые каменные стены, выливал на них всю воду, которую получал для питья. Через пять дней сторож нашел его умершим от жажды и ночью закопал во рву, как скончавшегося без церковного покаяния.

Так умерла лучшая скрипка Страдивариуса; так позорно погиб ее убийца.

Поэзия: Выполните целостный анализ стихотворения **Александра Межирова «Напутствие»**, приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: динамика переживаний лирического героя, историко-культурные и литературные ассоциации, соотношение визуальных и акустических деталей поэтической картины; связь названных реалий с мотивной структурой произведения, особенности ритмической и синтаксической структуры текста. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Александр Межиров

Напутствие

Согласен, что поэзия должна

Оружьем быть (и всякое такое).

Согласен, что поэзия - война,

А не обитель вечного покоя.

Согласен, что поэзия не скит,

Не лягушачья заводь, не болотце...

Но за существование бороться
Совсем иным оружием надлежит.

Сбираясь в путь, стяни ремень потуже,
Меси прилежно бездорожий грязь...
Но, за существование борясь,
Не превращай поэзию в оружие.

Она в другом участвует бою...
Спасибо, жизнь, что голодно и наго!
Тебя за благодать, а не за благо
Благодарить в пути не устаю.

Спасибо, что возможности дала,
Блуждая в элегическом тумане,
Не впутываться в грязные дела
И не бороться за существованье.

1984

Задание №3 (Максимальный балл за задание - 30)

Творческое задание

Прочитайте стихотворение **Бориса Слуцкого «Критерий литературного дарования»** и напишите размышление о литературном творчестве, включающее, во-первых, подкрепленную примерами интерпретацию данного произведения и, во-вторых, подкрепленный аргументами критерий или перечень критериев, по которым, на ваш взгляд, следует оценивать книгу.

Борис Слуцкий Критерий литературного дарования

Книгу следует судить по тому,
как в ней описано звёздное небо.

Все, что касается грозного хлеба,
все, что трактует тюрьму и суму,
ясно почти любому. Талант
здесь ни при чем. Достаточно опыта.

Звезды же важные тайны таят.

Малопонятны звездные шепоты.
Даже легчайшее: цвет звезды
определить не хватает умения.

Тем не менее
бытует мнение,
что от счастья и до беды
от нуля и до бесконечности
всюду и всегда и везде –
все подвластно
символу вечности,
попросту говоря, - звезде.